

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ ВТОРЖЕНИЯ В ЛИВИЮ В 2011 ГОДУ: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОДХОДОВ

Анастасия Корженяк*

DOI 10.24833/2073-8420-2025-3-76-30-41

Введение. Анализ международно-правовых оценок механизма легитимации интервенции США и других стран НАТО в Ливию в 2011 г. свидетельствует о неоднозначном восприятии в научно-исследовательских кругах оснований силового вмешательства стран Запада в дела североафриканского государства. Особый интерес представляют логика и аргументация тех правоведов, которые сочли допустимым оправдать с международно-правовой точки зрения это вооружённое вторжение.

Материалы и методы. Теоретическую и эмпирическую базу исследования составляют международно-правовые документы (прежде всего Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, практика Международного Суда ООН), зарубежная и отечественная международно-правовая литература, материалы СМИ. На основе интегративного подхода к научному юридическому исследованию при написании статьи были применены, в частности, герменевтический, формально-юридический, формально-логический, структурно-функциональный и системный методы, а также методы анализа и синтеза, юридического толкования и правового моделирования.

Результаты исследования. Автор критически проанализировала оценки вооружённого вторжения США и их союзников в Ливию прежде всего в зарубежной международно-правовой литературе, уделив приоритетное внимание поиску изобретательной аргументации, нацеленной на убеждение международной аудитории в легитимности этого вмешательства.

Обсуждение и заключение. Предпринятые в первую очередь Вашингтоном усилия по легитимации интервенции обеспечили жизнеспособность позитивного подхода в зарубежной международно-правовой науке к восприятию применения силы в отношении Ливии «легитимным» и «юридически бесспорным», подхода, обосновывающего широкое толкование термина «все необходимые меры», в том числе в качестве «правовой основы для смены режима в Ливии» как «единственной разумной и эффективной стратегии», и даже не исключающего допустимость вооружения и оказания иной военной помощи оппозиции в соответствии с принятыми резолюциями СБ ООН. России целесообразно принимать во внимание опыт США по обоснованию и международно-правовой легитимации своих военных действий на территориях иностранных государств при выработке собственной международно-правовой политики в этой области.

* **Корженяк Анастасия Михайловна**, аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России, Москва, Россия
e-mail: mihkor@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-7162-2785

Введение

Отечественные специалисты сходятся во мнении, что «ливийскую модель» - механизм легитимации интервенции США и других стран НАТО в Ливию в 2011 г. - нельзя рассматривать в качестве образца концепции «обязанности защищать» („*the responsibility to protect*“, R2P) [5], поскольку были предприняты действия, как утверждается, выходящие за её рамки: «наносились удары по гражданским объектам, осуществлялся досмотр судов третьих стран в открытом море без информирования Совета Безопасности ООН (СБ ООН), вопреки введённому им эмбарго оказывалось военное и военно-техническое содействие повстанцам» [4]. Подобные нарушения в целом не отрицаются и за рубежом¹.

Вместе с тем многие зарубежные эксперты, напротив, занимаются поиском возможных обоснований, в том числе исключений, но не всегда и не только с целью «выгородить» действия правительства, а в рамках «аргументативной практики» [31], стремясь способствовать прогрессивному развитию международного права, генерируя новые идеи, которые могут быть как приняты, так и отвергнуты. От правильного выбора подходящей методики международно-правовой аргументации зависит убеждение целевой аудитории в легитимности отстаиваемой позиции, а значит - её юридической правильности, обоснованности, допустимости, справедливости.

Соответственно, для целей настоящего исследования первостепенный интерес представляют логика и изобретательная аргументация тех юристов-международников, которые в целом оправдали и обосновали с международно-правовой точки зрения силовое вмешательство стран Запада в дела Ливии. Представляется, что такие подходы следует особенно тщательно анализировать и принимать во внимание при выработке международно-правовой политики РФ в отношении применения вооружённой силы за пределами национальной территории.

Исследование

Оценки вооружённого вторжения США и их союзников в Ливию в международно-правовой литературе

Интервенция США со странами НАТО и другими партнёрами по коалиции в Ливию вызвала противоречивую реакцию у юристов-международников. Безусловно, последовало немало и критических замечаний, особенно относительно расширительного толкования и «извращённого» применения концепции «обязанности защищать» [6. С. 11-18], её схожести и происхождения от доктрины «гуманитарной интервенции», столкновения с принципами невмешательства в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, территориальной целостности, суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, не до конца проработанной взаимосвязи с принципом самоопределения народов и т. д. Но, надо признать, в зарубежном дискурсе это носит явно выраженный дискуссионный характер [10; 15]. Хотя вместе с тем есть и отдельные статьи, в которых поют приторные дифирамбы, называя операцию НАТО в Ливии «образцовым вмешательством» („*a model intervention*“) [13], «примером очень успешного случая внедрения норм в международном праве» („*an example for a very successful case of norm entrepreneurship in international law*“) [18], «конститутивным моментом», означающим укрепление доктрины «гуманитарной интервенции» и концепции R2P [23. С. 299, 303].

Этот «образцовый характер» обосновывает и полковник ВВС США Л. Килдрон, сформулировавший ряд «критериев для военного вмешательства США в будущие гуманитарные кризисы», соответствие которым стало «основой успеха интервенции» в Ливию, а именно: 1) «международный мандат»; 2) «широкая коалиция с целью защитить гражданское население»; 3) региональная поддержка со стороны арабских стран; 4) просьба о помощи со стороны «заслуживающих доверия сил ливийской оппозиции». В дополнение указывается, что эта «просьба

1 См., напр.: Global Centre for the Responsibility to Protect. Libya. Ralph Bunche Institute for International Studies, New York, April 2, 2022. URL: <https://www.globalr2p.org/countries/libya/> (accessed: 06.06.2024).

о помощи» не требовала вмешательства сухопутных сил США. Вместе с тем Килдрон утверждает, что из-за несоответствия упомянутым критериям ливийская модель неприменима в сирийском кризисе и уж тем более «не является панацеей от всех будущих гуманитарных кризисов» [19. С. 36].

Вдохновители и сторонники концепции R2P называют этот случай вмешательства её «расцветом», «триумфом», «хрестоматийным случаем» её применения, когда «норма сработала именно так, как и должна была» [15. С. 926; 28. С. 13, 23; 16. С. 594]. По сути, утверждают они, это был первый «удачный» случай введения принудительных мер в виде применения силы против государства – члена ООН без его согласия², учитывая некоторое «нежелание» и неготовность членов прежде всего СБ ООН продолжать детально обсуждать спорные аспекты этой концепции после Всемирного саммита 2005 г. Заявляется также, что случай с Ливией «стоит особняком от других недавних интервенций в якобы гуманитарных целях», поскольку впервые «столь явно» *цель* защиты гражданского населения была соединена с самим *процессом* коллективного применения силы [28. С. 17, 19-20]³, в этом контексте R2P названа «новой мощной возрождающейся нормой, побуждающей к действию» (*“a powerful new galvanising norm”*) [26. С. 253]. Одновременно ливийский кризис представляют как лишь «часть гораздо более широких преобразований того, что мир думает о массовых зверских преступлениях и как реагирует на них», преобразований, «предвосхищённых Международной комиссией по вопросам вмешательства и государственного суверенитета» в подготовленном ею докладе «Обязанность защищать»⁴ 2001 г. Подчёркивается, что решения о военном вмешательстве для прекращения или предотвращения массовых зверских преступлений «всегда принимаются в условиях неопределённости относительно их последствий и определяются конкретным политическим контекстом». Однако применение силы не всегда является

необходимым средством прекращения или предотвращения массовых зверских преступлений: наиболее эффективным способом реализации R2P называется «сочетание множества политических, гуманитарных, юридических, экономических и военных средств, используемых различными субъектами», с учётом индивидуального подхода к каждой конкретной ситуации (*“narrow and deep approach”*) [8; 7].

Вместе с тем некоторые авторы, в частности, американский юрист Ф. Бойл, критикуют американскую внешнюю политику в отношении Ливии с момента прихода к власти администрации Р. Рейгана в 1981 г. до интервенции в 2011 г., которая в конечном итоге «достигла цели США – смены режима». Развенчивается концепция R2P как «юридическое прикрытие для вмешательства Запада в дела стран “третьего мира”» [9]. Восприятие R2P как «дымовой завесы для смены режима», несомненно, подорвало доверие к этой концепции [16. С. 609; 25. С. 31]. Утверждается, что, потерпев «серьёзное поражение», она «не станет новой значимой нормой, не будет служить оправданием новых вмешательств, а в некоторых случаях может и вовсе отсрочить принятие более мягких принудительных мер реагирования на нарушения прав человека» [14. С. 345-348]. Ряд авторов отмечают, что «операции, направленные на свержение Каддафи, включая поддержку продвижения повстанцев, выходили за рамки предоставленного резолюцией СБ ООН № 1973⁵ мандата» и представляли собой «неправомерное применение силы, не подпадающее под действие главы VII Устава ООН», обусловленное «односторонним толкованием» решения СБ ООН государствами, проводившими военные операции [21. С. 562].

В аналогичном ключе рассуждают и многие отечественные учёные, указывающие на исключительно «политическую мотивированность» вторжения (осуществление «политического транзита»), а не на «раскрученную» обусловленность вопиющими нарушениями

² Хотя вопрос о согласии правительства на военную операцию «не является юридически значимым, если она санкционирована в соответствии с главой VII Устава ООН» [11. С. 280; 16. С. 604].

³ См. также: Gifkins J., Dunne T. Libya and R2P: Norm Consolidation or a Perfect Storm? openDemocracy, 19 April 2011. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/libya-and-r2p-norm-consolidation-or-perfect-storm/> (accessed: 15.09.2023).

⁴ Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS) “The Responsibility to Protect” (December 2001). A/57/303. 14 August 2002. 91 p. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/474192?ln=fr&v=pdf> (accessed: 16.03.2024).

⁵ Здесь и далее резолюции СБ ООН приводятся по сайту ООН. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions> (дата обращения: 26.08.2024).

международного права. Акцентируется внимание и на разрушительных последствиях такого вмешательства под предводительством американцев, приведшего к убийству главы Ливии М. Каддафи, в отношении которого МУС выдал ордер на арест, к последующей смене власти в Ливии, к перераспределению природных ресурсов Ливии в пользу компаний западных государств и т.д. [1; 4].

В целом все критические замечания (в основном озвученные Россией и частично другими участниками БРИКС)⁷ можно свести к трём тезисам: 1) обвинение западных держав в превышении определённого резолюцией № 1973 мандата из-за оказания военной помощи повстанцам и осуществления атак на более широкий круг целей, нежели необходимых для защиты гражданского населения; 2) использование аргумента защиты гражданского населения «в качестве предлога для достижения стратегической цели – устранения неугодного режима Каддафи»; 3) высокий потенциал ответных насильственных действий, провоцируемых военным вмешательством, и риск распространения последствий полномасштабной гражданской войны за пределы Ливии [30; 16. С. 609-610].

В китайской международно-правовой науке особо подчёркивается, что главный изъян концепции «обязанности защищать» на примере ливийского конфликта проявился в «асимметричном ограничении и ослаблении суверенитета стран, которым не благоприятствуют крупные державы» [17. С. 244]. На фоне ливийского кризиса Бразилией и КНР были предложены отчасти критические дополнения к R2P в виде концепций «несения ответственности во время осуществления “обязанности защищать”» („responsibility while protecting“, RWP)⁸ и «ответственной защиты» („responsible protection“, RP)

[24], корректирующих принципы осуществления «обязанности защищать» в сторону их большего ограничения. Но, поскольку они никогда не были детально и глубоко концептуально проработаны и были закономерно скептически восприняты на Западе, они так и не получили дальнейшего развития [29].

Для целей же настоящего исследования гораздо больший интерес представляют логика и изобретательная аргументация тех юристов-международников, которые в целом оправдали и обосновали с международно-правовой точки зрения это вмешательство. Такие позиции характерны прежде всего для зарубежных правоведов.

Например, британский и французский юрист Ф. Сэндс считает, что «пусть и с опозданием, но резолюция СБ ООН № 1973 знаменует собой важный момент в исправлении глубокого ущерба, нанесённого войной в Ираке и неспособностью Совета Безопасности ООН санкционировать применение силы, либо прямо выраженным образом, либо, по мнению практически всех известных мне юристов-международников, вообще каким-либо образом в принципе». Примечательным называет правовед тот факт, что ни один из 15 членов СБ ООН не выступил против, что «связано с недавними событиями в Тунисе и Египте, а также с выдающимся призывом Лиги арабских государств к действиям». Более того, Сэндс утверждает, что «разрешение на “все необходимые меры” является широким и, по-видимому, позволяет выбрать в качестве мишени Каддафи и других лиц, которые действуют, чтобы поставить гражданское население «под угрозу нападения». С этой точкой зрения солидарны профессор Оксфордского университета Д. Аканде, авторитетный британский юрист-международник проф. М. Шоу, профессор международного права

⁶ См. также: Вылегжанин А.Н. У политики вмешательства США во внутренние дела суверенных государств нет перспектив международно-правовой легитимации // Портал МГИМО, 23 сентября 2022 г. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/u-politiki-vmeshatelstva-ssha-vo-vnutrennie-dela-suverennyh-gosudarstv-net-perspektiv-mezhdunarodno-pravovoj-legitimacii/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 23.09.2022).

⁷ См., напр.: Предварительный отчёт о 6627-ом заседании СБ ООН 4 октября 2011 г. S/PV.6627. URL: <https://docs.un.org/S/PV.6627> (дата обращения: 03.06.2024).

⁸ Letter dated 9 November 2011 from the Permanent Representative of Brazil to the United Nations addressed to the Secretary-General. Annex to the letter dated 9 November 2011 from the Permanent Representative of Brazil to the United Nations addressed to the Secretary-General “Responsibility while protecting: elements for the development and promotion of a concept”. A/66/551-S/2011/701. 11 November 2011. URL: <https://docs.un.org/A/66/551> (accessed: 15.09.2023). В статье представлен авторский вариант перевода как наиболее подходящий и точный, в том числе оптимально соотносящийся с переводами, представленными на других языках (оригинальный язык документа – английский).

в Аберистуитском университете Р. Пиотрович⁹. Ш. Кейтнер, занимавшая должность 27-го советника по международному праву в Госдепартаменте США, тоже выражает согласие с мнением о том, что резолюция № 1973 в целом «на самом деле направлена на то, чтобы помешать силам Каддафи победить в гражданской войне в Ливии»¹⁰. Действие разрешения, пишет иранский правовед М. Паянде, «может рассматриваться как правовая основа для смены режима в Ливии» [22]. Это обусловлено тем, что иногда обстоятельства вынуждают признать смену режима «единственной жизнеспособной стратегией для предотвращения совершения правительством зверских преступлений» и иных нарушений прав человека [33. С. 12; 27. С. 163; 28. С. 22-23].

Любопытны рассуждения Д. Аканде о толковании формулировки «*все необходимые меры*» в контексте разных подходов к пониманию понятия «*соразмерности*» («пропорциональности») в *jus ad bellum* (условия, при которых государства могут прибегнуть к применению силы, возможности её оправдания или предотвращения), а также при осуществлении права на самооборону, с одной стороны, и в международном гуманитарном праве (*jus in bello*, МГП) – с другой. Так, правовед пишет, что «ограничения на применение силы», санкционированного СБ ООН резолюцией № 1973, «следует рассматривать в терминах, аналогичных *jus ad bellum* и при реализации права на самооборону». Во-первых, они направлены на «общий уровень применения силы», а не на отдельные акты нападения. Во-вторых, *необходимость* применения силы и *соразмерность* применяемой силы *обусловлены «достижением цели»*, указанной в резолюции. Ответ на вопрос о необходимости применения силы, по сути, даётся в разрешении СБ ООН. Вопрос же о соразмерности применяемой силы достижению целей защиты гражданских лиц и мест их проживания не тождественен вопросу о пропорциональности в МГП: скорее речь

идёт о «пропорциональности при осуществлении права на самооборону в *jus ad bellum*», то есть ограниченность общего объёма или направления применяемой силы рамками необходимого для достижения цели. Судить, однако, об этом очень трудно тем, кто не обладает военным опытом или необходимой информацией, поэтому «приходится проявлять определённую осмотрительность, если только не будет доказано, что существовало меньшее средство, которое не было использовано»¹¹.

Что касается вопроса о правомерности вооружения и оказания иной военной помощи оппозиции, Ф. Сэндс заявляет, что формулировка, использованная в резолюции № 1973, об исключении любых «иностранных оккупационных сил», является «неоднозначной»: «её можно истолковать так, что она допускает вооружение повстанческих группировок и – в той мере, в какой об этом просят эти группировки, – присутствие на земле в виде поддержки, которая не является “оккупационными силами”»¹². Признавая неоднозначность целесообразности оказания военной поддержки повстанцам с политической и военной точек зрения, Д. Аканде в итоге пришёл к выводу о том, что с юридической точки зрения такая помощь «не исключается соответствующими резолюциями СБ ООН», однако ограничена направленностью на «защиту гражданских лиц и мест их проживания». С принятием резолюции № 1973 «эмбарго на поставки оружия больше не может считаться абсолютным», во-первых, потому что п. 4 данной резолюции установлено исключение из п. 9 резолюции № 1970 о введении эмбарго, во-вторых, потому что «сохранение абсолютного эмбарго на поставки оружия было бы бессмысленным», ведь государствам, применяющим силу в Ливии, необходимо передавать «своё собственное оружие для собственного использования на территорию Ливии (которая включает и воздушное пространство над ней)». Практика государств, а также текст, предмет и цель резолюции

⁹ См.: Sands P. UN's Libya resolution 1973 is better late than never. The Guardian, Analysis, March 18, 2011. URL: <https://www.theguardian.com/law/2011/mar/18/libya-un-resolution-1973> (accessed: 12.12.2023); Akande D. What does UN Security Council Resolution 1973 permit? Blog of the European Journal of International Law (March 23, 2011). URL: <https://www.ejiltalk.org/what-does-un-security-council-resolution-1973-permit/> (accessed: 03.05.2024); Libya: The legal case for deployment. The Guardian, March 21, 2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/21/libya-arab-and-middle-east-protests> (accessed: 03.05.2024).

¹⁰ Keitner C. More Thoughts on the Scope of UNSCR 1973. Blog of the European Journal of International Law (March 28, 2011). URL: <https://www.ejiltalk.org/more-thoughts-on-the-scope-of-unscr-1973/> (accessed: 03.06.2024).

¹¹ Akande D. Op. cit. (March 23, 2011).

¹² Sands P. Op. cit.

№ 1973 подтверждают довод США о том, что разрешение на принятие всех необходимых мер «в определённой степени корректирует эмбарго на поставки оружия»¹³.

Что особенно интересно, британско-нигерийский правовед делает ещё один не менее примечательный вывод: раз резолюция № 1973 разрешает применение силы, а, «согласно международному праву, государства могут применять силу либо *напрямую* (через собственные вооружённые силы), либо *косвенно* (путём оказания поддержки негосударственным группировкам)»¹⁴, следовательно, государство, *управомоченное применять силу*, «может выбрать прямой или косвенный способ её применения», что может включать предоставление поддержки, вооружения или другой помощи негосударственным группировкам для выполнения мандата¹⁵. Кроме того, может быть задействован аргумент, аналогичный заявленному боснийцами о том, что введённое СБ ООН резолюцией № 713 от 25 октября 1991 г. всеобъемлющее эмбарго на поставки оружия в Югославию «недействительно, поскольку лишает боснийских мусульман возможности защищаться от геноцида, что противоречит норме *jus cogens*»¹⁶.

Некоторые зарубежные авторы пишут, что СБ ООН в случае с Ливией «не заявлял о *нормативном* характере» третьего компонента концепции «обязанности защищать»¹⁷ (возлагаемого на международное сообщество и допускающего применение силы), но при этом они не подвергают сомнению нормативность первого компонента – обязанности защищать своё население, которую должно выполнять само государство [20. С. 328; 11. С. 280]. Ряд исследователей, например,

австралийский учёный Э. Гарвуд-Гауэрс, вообще считают, что в основании резолюции № 1973 лежит прежде всего не концепция «обязанности защищать», а концепция «*защиты гражданских лиц в вооружённом конфликте*», занимающая центральное место в п. 4 [16. С. 606; 28. С. 20-21]. По сути, именно этот хитроумный юридический ход обеспечил компромиссную формулировку и позволил преодолеть разногласия государств по поводу R2P.

Примечательным также является отсутствие в тексте резолюции № 1973 каких-либо ссылок на то, что ливийская ситуация является «*уникальной*», «*исключительной*» или «*экстраординарной*» по своей природе, что контрастирует с предыдущими резолюциями по Сомали (№ 794 от 3 декабря 1992 г., преамбула) и Гаити (№ 940 от 31 июля 1994 г., п. 2), в которых были намеренно использованы эти выражения, чтобы избежать вето. Эта тенденция свидетельствует об «уменьшении сопротивления полномочиям СБ ООН по санкционированию решительных мер реагирования на внутригосударственные гуманитарные кризисы» [11. С. 280; 16. С. 603]. Более того, высказывается даже такое мнение, что ливийский конфликт укрепил позицию о том, что применение первого, второго и третьего компонентов R2P «необязательно должно происходить последовательно» [33. С. 13].

Критика того, что при осуществлении резолюции СБ ООН № 1973 страны НАТО вышли за рамки целей защиты гражданского населения, фактически оказав боевую поддержку одной стороне вооружённого конфликта, не совсем логична и аргументированна, поскольку не до конца соответствует

¹³ Д. Аканде в том числе ссылается на предыдущую практику, в частности, практику толкования и применения резолюций СБ ООН № 661 от 6 августа 1990 г. (по ситуации о вторжении Ирака в Кувейт), № 733 от 23 января 1992 г. и № 794 от 3 декабря 1992 г. (положение в Сомали). См.: Akande D. Does SC Resolution 1973 Permit Coalition Military Support for the Libyan Rebels? Blog of the European Journal of International Law (March 31, 2011). URL: <https://www.ejiltalk.org/does-sc-resolution-1973-permit-coalition-military-support-for-the-libyan-rebels/> (accessed: 03.05.2024).

¹⁴ См. дело в МС ООН «Никарагуа против США»: Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), ICJ. URL: <https://www.icj-cij.org/case/70> (accessed: 03.06.2024).

¹⁵ Akande D. Op. cit. (March 31, 2011).

¹⁶ Milanovic M. Can the Allies Lawfully Arm the Libyan Rebels? Blog of the European Journal of International Law (March 30, 2011). URL: <https://www.ejiltalk.org/breaking-uk-government-discloses-legal-rationale-for-syria-intervention/> (accessed: 03.06.2024).

¹⁷ Три компонента ("pillars") концепции R2P: 1) обязанность каждого государства защищать своё население; 2) обязанность международного сообщества оказывать помощь государствам в осуществлении ими своей обязанности защищать своё население; 3) обязанность международного сообщества защищать, когда государство явно не в состоянии защитить своё население. См.: Šimonović I. The Responsibility to Protect. UN Chronicle. December 2016. No. 4. Vol. LIII. Human Rights. URL: <https://www.un.org/en/chronicle/article/responsibility-protect> (accessed: 15.09.2023).

смыслу, вкладываемому в концепцию «обязанности защищать», если абстрагироваться от доводов, ставящих под сомнение её правомерность. R2P изначально при своей доктринальной разработке подразумевала, что «*принцип невмешательства уступает место принципу международной обязанности защищать*» в случае «*несостоятельности государства*», его «*нежелания или неспособности*» предотвратить или прекратить нарушения прав человека, страдания населения. Сам факт такой негативной оценки государства в качестве «несостоятельного», «неспособного», а ещё хуже «не желающего» защищать своё население (а, напомним, фактически именно такие формулировки зафиксированы в п. 139 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 г. № 60/1 «Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.», принятой при участии России)¹⁸ не может не свидетельствовать (во всяком случае не исключает такую возможность) о том, что международное сообщество в целом и государства, планирующие интервенцию, в частности, уже выбрали для себя сторону конфликта, которой они собираются содействовать в том или ином виде. Военная операция по своему целеполаганию не может осуществляться абстрактно, без поддержки какой-либо одной стороны вооружённого конфликта, иначе будет потеряна её стратегический смысл. Если бы создатели концепции R2P не закладывали именно такой смысл, не были бы продвинуты в ГА ООН именно такие формулировки; в свою очередь, если бы международное сообщество реально не было согласно с подобными идеями, следовало бы тогда не принимать такие расплывчатые и витиеватые положения, которые можно широко толковать, а ограничиться конкретными, строгими формулировками, либо не принимать их вообще, зная, что они будут иметь неоднозначные правовые последствия. Ведь так и осталось непонятным, кто, по какому праву, по каким критериям будет определять «несостоятельность» государства, его «неспособность» или «нежелание» защищать своё население, но эти в первую очередь значимые и чувствительные вопросы, по сути, были оставлены без внимания.

Неоднозначная реакция международного сообщества [32. С. 5-7, 128-132, 200-205, 248-251, 263-266] в отношении концепции «обязанности защищать», сделавшей возможной смену режима в Ливии, стала одним из главных факторов неспособности СБ ООН таким же образом договориться об «эффективных, своевременных и решительных мерах по защите гражданского населения в Сирии», поскольку после принятия резолюции № 1973 пришло трезвое осознание наличия политических и юридических проблем при реализации третьего компонента R2P. Признётся, что принятие этой резолюции стало возможным благодаря «исключительному стечению политических и фактических обстоятельств», которые создали «идеальный шторм» (“*perfect storm*”¹⁹) для вмешательства в Ливию [8. С. 265-266; 16. С. 594-595, 616; 32. С. 8]. Вместе с тем эти рассуждения не мешают прийти к выводу о том, что санкционирование СБ ООН военных действий в Ливии означает, что они «полностью вписываются в одно из двух исключений из общего международно-правового запрета на применение силы», и в этом отношении интервенция в Ливию была «юридически бесспорной» (“*legally uncontroversial*”) [16. С. 603; 7. С. 779].

Более того, утверждается, что применение R2P в случае с Ливией «заложило основу для предоставления СБ ООН разрешения на применение силы для защиты гражданского населения», что больше «нельзя утверждать, что ООН не имеет права вмешиваться в ситуацию гражданской войны или совершения преступлений против человечности»: теперь такая ситуация «не может считаться вопросом исключительной внутренней юрисдикции и влечёт за собой ответственность» [12. С. 463-464].

После того как задача смены правящего ливийского режима стала очевидна для всех и необратима, международно-правовая позиция России по ситуации в Ливии стала более жёсткой. В частности, заявлялось, что военная интервенция НАТО в Ливию в 2011 г. была всё-таки осуществлена «в обход резолюции СБ ООН № 1973» и привела к «краху ливийской государственности»²⁰, погрузив страну на долгие годы в «состояние хаоса

¹⁸ Резолюция ГА ООН № 60/1 «Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.» от 16 сентября 2005 г. URL: <https://docs.un.org/A/RES/60/1> (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁹ Giffins J., Dunne T. Libya and R2P: Norm Consolidation or a Perfect Storm? openDemocracy, 19 April 2011. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/libya-and-r2p-norm-consolidation-or-perfect-storm/> (accessed: 15.09.2023).

²⁰ См.: Позиция России по ситуации в Ливии (по состоянию на 17 декабря 2021 г.). Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticheskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty/pozicia-rossii-po-situacii-v-livii/ (дата обращения: 10.05.2024).

и безвластия»²¹, в то время как лучшим способом урегулирования конфликта называется решение самих ливийцев провести общенациональные выборы²² при предоставлении всем влиятельным ливийским политикам равных возможностей участия в электоральном процессе.

Заключение

Сценарий интервенции США совместно с союзниками в Ливию был прогнозируем исходя из предыдущих случаев вооружённых вторжений (прототипом является как минимум вторжение в Ирак в 2003 г.) [2; 3], стратегии их подготовки и реализации, преследуемых целей, механизма их легитимации, сложившейся в целом геополитической конъюнктуры. Ключевые элементы этого сценария повторяются, меняется лишь наполнение, поэтому, не накладывая вето на документ, разрешающий предпринимать «все необходимые меры», содержащий лазейки для обхода принудительных мер²³, Россия и Китай должны были осознавать²⁴, что военная интервенция по определению не может быть ограничена какими-то моральными критериями. Во-первых, «защита населения» - понятие субъективное, и критерии её оценки тоже субъективные (и всегда такими будут), всё зависит от вескости и доступности для понимания аргументов, а также техники убеждения в их правильности и неоспоримости. Во-вторых, сам факт того, что концепция «обязанности защищать» была задействована исходя из даже не неспособности, а «нежелания» режима М. Каддафи «защищать своё население» (под эти утверждения была приведена солидная «доказательная база», тиражируемая в ООН, СМИ и на прочих

площадках), логично и очевидно изначальное намерение сменить режим на «демократический». Естественно, что никому и в голову не приходило рассчитывать на то, что Каддафи «раскается» или «опомнится»: с самого начала методично реализовывалась стратегия «демонизации» главы государства и правящего режима, запущенная ещё задолго до принятия резолюции СБ ООН № 1970. С учётом всех обстоятельств никаких других задач, кроме свержения ливийского правительства, «военная интервенция» в действительности решить не могла.

Цена сомнения в правильности неприменения вето оказалась довольно высока, но прогнозируема при системном и прагматичном подходе. Предпринятые прежде всего Вашингтоном усилия по легитимации обеспечили жизнеспособность позитивного подхода в зарубежной международно-правовой науке к восприятию применения силы в отношении Ливии «легитимным» и «юридически бесспорным», подхода, обосновывающего широкое толкование термина «все необходимые меры», в том числе в качестве «правовой основы для смены режима в Ливии» как «единственной разумной и эффективной стратегии», и даже не исключающего допустимость вооружения и оказания иной военной помощи оппозиции в соответствии с принятыми резолюциями СБ ООН.

Таким образом, России целесообразно критически анализировать и принимать во внимание опыт США по обоснованию и международно-правовой легитимации своих военных действий на территориях иностранных государств при выработке собственной международно-правовой политики в этой области.

²¹ Отметим, что на этом фоне Генсекретарь ООН Пан Ги Мун, обычно занимавший осторожную позицию, напротив, защитил НАТО от критики со стороны России, Китая и других стран, которые обвиняют альянс в превышении мандата ООН по защите гражданского населения в Ливии. Это, бесспорно, тоже оказало весомый легитимационный эффект. См.: U.N. chief defends NATO from critics of Libya war. Reuters, December 14, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSTRE7BD20D/> (accessed: 10.05.2024).

²² Но, как пишет Ш. Кейтнер, «победа ХАМАС на муниципальных выборах в секторе Газа в 2005 г. показала, что результаты общенациональных выборов не всегда отвечают предполагаемым интересам национальной безопасности США или их союзников». См.: Keitner S. Op. cit.

²³ «Двусмысленность» таких «расплывчатых формулировок» была «намеренной», «потому что это единственный способ избежать вето». См.: Libya: The legal case for deployment. The Guardian, March 21, 2011. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/21/libya-arab-and-middle-east-protests> (accessed: 03.05.2024). Профессор Редингского университета М. Миланович тоже поднимает вопрос о «преднамеренной двусмысленности при составлении резолюций СБ ООН» ("deliberate ambiguity in the drafting of UNSC resolutions"). См.: Milanovic M. Op. cit.

²⁴ "No state can have been deluded into thinking military action might not follow". См.: Gifkins J., Dunne T. Op. cit.

Литература:

1. Воронин Е.Р. Проблема легитимности вооружённого вмешательства. Ливийский *casus belli* // Международная жизнь. 2012. № 8. С. 107-118.
2. Вылегжанин А.Н., Корженяк А.М. Механизм международно-правовой легитимации вооружённого вторжения США в Ирак в 2003 г.: уроки на будущее. Часть первая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 1. С. 111-126.
3. Вылегжанин А.Н., Корженяк А.М. Механизм международно-правовой легитимации вооружённого вторжения США в Ирак в 2003 г.: уроки на будущее. Часть вторая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 2. С. 370-386.
4. Геворгян К.Г. К читателю «Международной жизни». Концепция «ответственность по защите». Заключение Международно-правового совета при МИД России // Международная жизнь. 2013. № 8. С. 71-84.
5. Корженяк А.М. Международно-правовой механизм легитимации интервенции США и других стран НАТО в Ливию в 2011 г. // Право и управление. XXI век. 2025. № 1. С. 111-123.
6. Adams S. *Libya and the Responsibility to Protect. Occasional Paper Series. No. 3. Global Centre for the Responsibility to Protect. New York, 2012.*
7. Adams S. *Libya // The Oxford Handbook of the Responsibility to Protect. Oxford, 2016.*
8. Bellamy A.J. *Libya and the Responsibility to Protect: The Exception and the Norm // Ethics & International Affairs. 2011. Vol. 25. No. 3. P. 263-269.*
9. Boyle F.A. *Destroying Libya and World Order. The Three Decade U.S. Campaign to Terminate the Qaddafi Revolution. Atlanta, 2013.*
10. Chandler D. *The R2P Is Dead, Long Live the R2P: The Successful Separation of Military Intervention from the Responsibility to Protect // International Peacekeeping. 2015. Vol. 22. No. 1. P. 1-5.*
11. Chesterman S. "Leading from Behind": The Responsibility to Protect, the Obama Doctrine, and Humanitarian Intervention after Libya // *Ethics & International Affairs. 2011. Vol. 25. No. 3. P. 279-285.*
12. Clapham A. *Brierly's Law of Nations. An Introduction to the Role of International Law in International Relations. Seventh Edition. Oxford, 2012.*
13. Daalder I.H., Stavridis J.G. *NATO's Victory in Libya: The Right Way to Run an Intervention // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. No. 2. P. 2-7.*
14. Dietrich J.W. *R2P and Intervention After Libya // Journal of Alternative Perspectives in the Social Sciences. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 323-352.*
15. Evans G.R. *R2P: The Next Ten Years // The Oxford Handbook of the Responsibility to Protect. Oxford, 2016.*
16. Garwood-Gowers A. *The Responsibility to Protect and the Arab Spring: Libya as the Exception, Syria as the Norm? // UNSW Law Journal. 2013. Vol. 36. No. 2. P. 594-618.*
17. He Z., Sun L. *A Chinese Theory of International Law. Singapore, 2020.*
18. Hilpold P. *Intervening in the Name of Humanity: R2P and the Power of Ideas // Journal of Conflict and Security Law. 2012. Vol. 17. No. 1. P. 49-79.*
19. Kildron L. *The Libyan Model and Strategy: Why it Won't Work in Syria // Journal of Strategic Security. 2012. Vol. 5. No. 4. P. 33-50.*
20. Mohamed S. *Taking Stock of the Responsibility to Protect // Stanford Journal of International Law. 2012. Vol. 48. No. 2. P. 319-339.*
21. Orakhelashvili A. *Akehurst's Modern Introduction to International Law. Ninth Edition. New York, 2022.*
22. Payandeh M. *The United Nations, Military Intervention, and Regime Change in Libya // Virginia Journal of International Law. 2012. Vol. 52. No. 2. P. 355-403.*
23. Powell C. *Libya: A Multilateral Constitutional Moment? // American Journal of International Law. 2012. Vol. 106. No. 2. P. 298-316.*
24. Ruan Z. *Responsible Protection: Building a Safer World // China International Studies. 2012. No. 34. P. 19-41.*
25. Teimouri H., Subedi S.P. *Responsibility to Protect and the International Military Intervention in Libya in International Law: What Went Wrong and What Lessons Could Be Learnt from It? // Journal of Conflict and Security Law. 2018. Vol. 23. No. 1. P. 3-32.*
26. Thakur R. *Afghanistan, Libya and Syria: UN-authorized interventions and non-intervention // The United Nations, Peace and Security: From Collective Security to the Responsibility to Protect. Cambridge, 2016.*
27. Thakur R. *In Defence of the Responsibility to Protect // The International Journal of Human Rights. 2003. Vol. 7. No. 3. P. 160-178.*
28. Thakur R. *Libya and the Responsibility to Protect: Between Opportunistic Humanitarianism and Value-Free Pragmatism // Security Challenges. 2011. Vol. 7. No. 4. P. 13-25.*
29. Tourinho M., Stuenkel O., Brockmeier S. *"Responsibility while Protecting": Reforming R2P Implementation // Global Society. 2016. Vol. 30. No. 1. P. 134-150.*

30. Ulfstein G., Christiansen H.F. The Legality of the NATO Bombing in Libya // *International and Comparative Law Quarterly*. 2013. Vol. 62. No. 1. P. 159-171.
31. Venzke I. International Law as an Argumentative Practice: On Wohlraap's the Concept of Argument // *Transnational Legal Theory*. 2016. Vol. 7. No. 1. P. 9-19.
32. Wester K. *Intervention in Libya: The Responsibility to Protect in North Africa*. Cambridge, 2020.
33. Zifcak S. The Responsibility to Protect after Libya and Syria // *Melbourne Journal of International Law*. 2012. Vol. 13. P. 1-35.

INTERNATIONAL LEGAL LEGITIMATION OF THE 2011 INVASION OF LIBYA: AN ANALYSIS OF FOREIGN APPROACHES

Introduction. The analysis of the international legal assessments of the legitimization mechanism of the United States' and other NATO countries' invasion of Libya in 2011 reveals the ambiguous perception in the research circles of the rationale for the Western countries' military intervention in the affairs of the North African state. Particularly interesting are the logic and argumentation of those legal scholars who found it acceptable to justify this armed incursion from an international legal point of view.

Materials and methods. The theoretical and empirical basis of the study is formed by international legal documents (primarily of the UN Security Council and General Assembly, practice of the International Court of Justice), foreign and domestic international legal literature, mass media materials. On the basis of integrative approach to scientific legal research in this paper were applied, in particular, hermeneutic, formal-legal, formal-logical, structural-functional and systematic methods, as well as methods of analysis and synthesis, legal construction and legal modelling.

Research results. The author critically analyzed the evaluations of the armed invasion of Libya by the U. S. and its allies primarily in the foreign international legal literature, focusing on finding ingenious

arguments aimed at convincing the international audience of the legitimacy of this intervention.

Discussion and conclusion. Mainly Washington's efforts to legitimize the intervention have ensured the viability of a favorable approach in foreign international law academia to the perception of the use of force against Libya as "legitimate" and "legally uncontroversial", of an approach that justifies an expansive interpretation of the term "all necessary measures", including as a "legal basis for regime change in Libya" being "the only reasonable and effective strategy", an approach that even does not rule out the admissibility of arming and providing other military assistance to the opposition in accordance with the adopted UN Security Council resolutions. It would be advisable for Russia to take into account the experience of the U. S. in justification and international legal legitimization of its military actions on the territories of foreign states when developing Russia's own international legal policy in this area.

Anastasia M. Korzhenyak,
Postgraduate Student, Department
of International Law, MGIMO University,
Moscow, Russia

Ключевые слова:

применение силы, интервенция в Ливию, международно-правовая легитимация, международно-правовой механизм легитимации, гуманитарная интервенция, концепция «обязанности защищать», смена режима, «все необходимые меры», помощь оппозиции.

Keywords:

use of force, intervention in Libya, international legal legitimization, international legal mechanism of legitimization, humanitarian intervention, "responsibility to protect", regime change, "all necessary measures", assistance to the opposition.

References:

1. Voronin E.R., 2012. Problema legitimnosti vooruzhonnogo vmeshatel'stva. Livijskij casus belli [The problem of legitimacy of armed intervention. Libyan casus belli]. *Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]*. No. 8. P. 107-118.

2. Vylegzhanin A.N., Korzhenyak A.M., 2025. Mekhanizm mezhdunarodno-pravovoj legitimatsii vooruzhennogo vtorzheniya SSHa v Irak v 2003 godu: uroki na budushhee. Chast' pervaja [The mechanism of international legal legitimation of the 2003 U. S. armed invasion of Iraq: Lessons for the future. Part one]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. No. 1. P. 111-126.
3. Vylegzhanin A.N., Korzhenyak A.M., 2025. Mekhanizm mezhdunarodno-pravovoj legitimatsii vooruzhennogo vtorzheniya SSHa v Irak v 2003 godu: uroki na budushhee. Chast' vtoraja [The mechanism of international legal legitimation of the 2003 U. S. armed invasion of Iraq: Lessons for the future. Part two]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. No. 2. P. 370-386.
4. Gevorgyan K.G., 2013. K chitatelju "Mezhdunarodnoj zhizni". Kontseptsija "otvetstvennost' po zashhite". Zakljuchenie Mezhdunarodno-pravovogo soveta pri MID Rossii [Toward the reader of "International Affairs". The concept of "responsibility to protect". Conclusion of the International Legal Council under the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. *Mezhdunarodnaja zhizn' [International Affairs]*. No. 8. P. 71-84.
5. Korzhenyak A.M., 2025. Mezhdunarodno-pravovoj mekhanizm legitimatsii interventsii SSHa i drugikh stran NATO v Liviju v 2011 g. [The International Legal Mechanism for Legitimizing the Intervention of the USA and other NATO Countries in Libya in 2011]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. No. 1. P. 111-123.
6. Adams S., 2012. Libya and the Responsibility to Protect. Occasional Paper Series. No. 3. Global Centre for the Responsibility to Protect. New York.
7. Adams S., 2016. Libya. *The Oxford Handbook of the Responsibility to Protect*. Oxford, P. 768-785.
8. Bellamy A.J., 2011. Libya and the Responsibility to Protect: The Exception and the Norm. *Ethics & International Affairs*. Volume 25. No. 3. P. 263-269.
9. Boyle F.A., 2013. Destroying Libya and World Order. The Three Decade U.S. Campaign to Terminate the Qaddafi Revolution. Atlanta.
10. Chandler D., 2015. The R2P Is Dead, Long Live the R2P: The Successful Separation of Military Intervention from the Responsibility to Protect. *International Peacekeeping*. Volume 22. No. 1. P. 1-5.
11. Chesterman S., 2011. "Leading from Behind": The Responsibility to Protect, the Obama Doctrine, and Humanitarian Intervention after Libya. *Ethics & International Affairs*. Volume 25. No. 3. P. 279-285.
12. Clapham A., 2012. Brierly's Law of Nations. An Introduction to the Role of International Law in International Relations. Seventh Edition. Oxford.
13. Daalder I.H., Stavridis J.G., 2012. NATO's Victory in Libya: The Right Way to Run an Intervention. *Foreign Affairs*. Volume 91. No. 2. P. 2-7.
14. Dietrich J.W., 2013. R2P and Intervention After Libya. *Journal of Alternative Perspectives in the Social Sciences*. Volume 5. No. 2. P. 323-352.
15. Evans G.R., 2016. R2P: The Next Ten Years. *The Oxford Handbook of the Responsibility to Protect*. Oxford, P. 913-931.
16. Garwood-Gowers A., 2013. The Responsibility to Protect and the Arab Spring: Libya as the Exception, Syria as the Norm? *UNSW Law Journal*. Vol. 36. No. 2. P. 594-618.
17. He Z., Sun L., 2020. A Chinese Theory of International Law. Singapore.
18. Hilpold P., 2012. Intervening in the Name of Humanity: R2P and the Power of Ideas. *Journal of Conflict and Security Law*. Volume 17. No. 1. P. 49-79.
19. Kildron L., 2012. The Libyan Model and Strategy: Why it Won't Work in Syria. *Journal of Strategic Security*. Volume 5. No. 4. P. 33-50.
20. Mohamed S., 2012. Taking Stock of the Responsibility to Protect. *Stanford Journal of International Law*. Volume 48. No. 2. P. 319-339.
21. Orakhelashvili A., 2022. Akehurst's Modern Introduction to International Law. Ninth Edition. New York.
22. Payandeh M., 2012. The United Nations, Military Intervention, and Regime Change in Libya. *Virginia Journal of International Law*. Volume 52. No. 2. P. 355-403.
23. Powell C., 2012. Libya: A Multilateral Constitutional Moment? *American Journal of International Law*. Volume 106. No. 2. P. 298-316.
24. Ruan Z., 2012. Responsible Protection: Building a Safer World. *China International Studies*. No. 34. P. 19-41.
25. Teimouri H., Subedi S.P., 2018. Responsibility to Protect and the International Military Intervention in Libya in International Law: What Went Wrong and What Lessons Could Be Learnt from It? *Journal of Conflict and Security Law*. Volume 23. No. 1. P. 3-32.
26. Thakur R., 2016. Afghanistan, Libya and Syria: UN-authorized interventions and non-intervention. *The United Nations, Peace and Security: From Collective Security to the Responsibility to Protect*. Cambridge, P. 246-271.
27. Thakur R., 2003. In Defence of the Responsibility to Protect. *The International Journal of Human Rights*. Volume 7. No. 3. P. 160-178.
28. Thakur R., 2011. Libya and the Responsibility to Protect: Between Opportunistic Humanitarianism and Value-Free Pragmatism. *Security Challenges*. Volume 7. No. 4. P. 13-25.

29. Tourinho M., Stuenkel O., Brockmeier S., 2016. "Responsibility while Protecting": Reforming R2P Implementation. *Global Society*. Volume 30. No. 1. P. 134-150.
30. Ulfstein G., Christiansen H.F., 2013. The Legality of the NATO Bombing in Libya. *International and Comparative Law Quarterly*. Volume 62. No. 1. P. 159-171.
31. Venzke I., 2016. International Law as an Argumentative Practice: On Wohlraapp's the Concept of Argument. *Transnational Legal Theory*. Volume 7. No. 1. P. 9-19.
32. Wester K., 2020. Intervention in Libya: The Responsibility to Protect in North Africa. Cambridge.
33. Zifcak S., 2012. The Responsibility to Protect after Libya and Syria. *Melbourne Journal of International Law*. Volume 13. P. 1-35.